

тенденции к „экономии“ и тенденции к „единообразию“, т. е. к выравниванию форм по аналогии. Кажется, что сам автор иногда предпочитает скорее первую тенденцию (см., напр., стр. 178, 102). Тем не менее мы считаем, что, например, относительно форм прошедшего времени непродуктивных глаголов с суффиксом *-ну-* можно было бы спорить; в настоящее время трудно, по нашему мнению, установить, которая из обеих тенденций может победить (исчезновение *-ну-* под влиянием „экономии“ или выравнивание по аналогии с продуктивными типами).

Из частных замечаний можно было бы, пожалуй, привести следующие: На стр. 17 желательно было бы дать историческую справку о происхождении суффиксов *-ировать* (из немецкого) и *-овать* (из французского). В главе о порядке слов желательно было бы рассмотреть порядок слов как средство выражения актуального членения. Надо было бы также, по нашему мнению, пересмотреть взгляд автора о предпочтительности склонения чешских собственных имен типа *Карел Чапек*, *Карела Чапека* вм. *Карла Чапка*; ведь мы имеем дело с аналогичным явлением, как в русском склонении *купец*, *купца*. Кроме того, и современная русская практика здесь далеко не отличается единством.

В заключение можно сказать, что книга Д. Э. Розенталя — весьма ценное и необходимое произведение, полезное для русского и иностранного читателя. Желательно было бы появление аналогичного пособия, сопоставляющего русский и чешский материал. В данном случае работа Розенталя могла бы оказаться в высшей степени полезной в качестве одной из основных ступеней на пути к созданию подобного пособия.

Станислав Жажа

Miklós Fogarasi: Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen (Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts). Akadémiai Kiadó, Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Budapest, 1965, 215 стр.

Вопросы заимствования и усвоения так называемых интернациональных слов и интернациональных деривационных морфем привлекают внимание лингвистов (а также нелингвистов, работающих над унификацией специальной терминологии). Об этом свидетельствует ряд работ общетеоретического характера, опубликованных за последнее время. Но все-таки нельзя считать вопросы ассимиляции иностранной лексики и интернациональных словообразовательных аффиксов достаточно исследованными. Поэтому с полным правом можно приветствовать монографию будапештского русиста М. Фогараша, которая является в сущности первым самостоятельным очерком, освещающим с исторической точки зрения интернациональную суффиксацию в русском языке. (Автор рецензируемой книги опубликовал уже ряд отдельных статей по этому вопросу, ср. напр. *Материалы к истории суффиксов -изм и -ист в русском языке*, *StSl Hung* 2, Budapest 1956, 331—344 или *Contributi alla storia del suffisso -ur-ova (-из-ур-ова, -из-ова)* in russo (Fino alla metà del secolo XIX), *Ricerche Slavistiche*, Roma 1959, n. VII, 3—23.)

Во вступительной главе (стр. 15—27) автор сначала обдумывает ряд вопросов связанных с некоторыми общими качествами международных суффиксов и развивает свои положения относительно русификации этих деривационных морфем. Таким образом русским суффиксом он считает такой суффикс иностранного происхождения, который в той же или в подобной семантически модификационной функции соединяется по крайней мере с одной русской основой, ср. *яровизатор*, *победит* (металлокерамический твердый сплав из порошка монокрибида вольфрама и кобальта). Так как некоторые гибридные производные слова с интернациональными суффиксами засвидетельствованы только в современном русском языке (надо сказать, что в современном языке они зафиксированы в гораздо большем количестве), автор должен провести свои исследования в некоторых местах своей работы вплоть до настоящего времени. Лишь об этих русифицированных суффиксах М. Фогараша пишет в своей книге, в материальную основу которой легли 35 сочинений (самое древнее из них — *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными* — содержит донесения русских послов в западноевропейских странах в 1488—1699 гг.) и 32 словаря (из них 3 словаря современного русского языка). Тщательно документированный список всех этих произведений с соответствующими сокращениями находится в начале книги (стр. 9—14). Несомненной заслугой автора является, что он проанализировал целый ряд до сих пор неисследованных мемуаров и дневников русских дипломатов. Таким образом он значительно расширил материал, собранный в начале нашего века Н. А. Смирновым

и В. А. Христиани (W. A. Christiani). Донесения русских дипломатов 15—17 вв. позволили автору сделать в некоторых случаях корректуру относительно определения даты первого появления исследуемых слов. Дальше автор упоминает о методологических аспектах своей работы и более подробно останавливается на ее содержании.

В следующей главе (стр. 28—133), самой обширной — она занимает почти половину всей книги — М. Фогараши останавливается на отдельных суффиксах существительных. Самую большую часть (30 страниц) он посвящает, конечно, самому продуктивному из них, морфеме *-ист*. Далее он занимается суффиксами *-тор (-тер)*, *-ит*, *-аж*, *-иам*, *-тура (-ура)* и *-ция (-тия)*, *-фикация*, *-анция*, *-енция*. Сначала каждый суффикс характеризуется с семантической и этимологической точки зрения и вставляется в более широкие сравнительные рамки. Наконец отдельные наименования, производные исследуемыми суффиксами, распределены по вещественно-семантическим группам с богатой экземплификацией. В третьей главе (стр. 134—152) рассматриваются адъективные суффиксы *-альн-* и *-альск-*, в четвертой (стр. 153—184) глагольные суффиксы *-ирова-*, *-иширова-* и *-изова-*. Надо приветствовать, что автор везде приводит ценные статистические сводки своего исследования.

Заключительная пятая глава (стр. 185—188) является, собственно говоря, заключением работы: обрусение интернациональных суффиксов начинается в конце 18-го века (*гуслист*, *буквальный*). В первой половине 19-го века появляются первые гибридные производные с суффиксами *-тор*, *-ит*, *-иам*, *-тура*, *-ция*, как *секундатор* (в бурсацком обиходе — тот, кто наказывал учеников розгами; образовано от глагола *сечь*), *дуризм* и др. Гибридные производные на *-аж* и *-иширова-*, однако, засвидетельствованы только в современном русском языке, напр. *листаж* (объем в листах). Большинство исследуемых деривационных морфем представлено суффиксами существительных. Отдельные суффиксы русифицировались лишь частично, некоторые более (*-ист*), другие менее (*-альн-*). Причину этого явления автор видит в том, что русский язык (также как и ряд других языков) заимствует лексически все в более значительном количестве новые интернационализмы, производные посредством исследуемых морфем, и что при высказывании в языковом сознании русского человека действительно словообразовательная функция этих суффиксов чувствуется сравнительно мало.

В конце книги находится алфавитный указатель (стр. 189—214). Слова с исследуемыми суффиксами здесь тщательно распределены, сначала наименования написанные азбукой, т. е. восточнославянские и болгарские (всего 21 страница), далее латинским (4 страницы) и наконец греческим алфавитом (1 страница).

Конечно, возможно сделать несколько оговорок к некоторым формулировкам и данным. Так напр. в сущности не совсем точно, что исследуемые суффиксы „международного происхождения“; их происхождение греческое, латинское или же французское — они, однако, международного характера. Надо было бы уточнить, что считается гибридным наименованием — выражение *комплиментист* (стр. 57) нельзя считать с точки зрения русского языка гибридом, ибо как основа этого слова, так деривационная морфема нерусского происхождения. Суффикс *-ист* не образует агентивных существительных, как ошибочно утверждается на стр. 54 и повторяется также в послесловии на стр. 186. Существительное *планерист* не было образовано на русской почве, как читаем на стр. 29, но заимствовано из французского языка (*planeuriste*). Наименования типа *бухгалтер* в русском языке не обладают словообразовательной формой (стр. 60).

Наконец еще одно замечание более общего, методического характера. Отдавая должное автору за внушительную эвристическую работу, которую он проделал, исследовав целый ряд мемуаров и переписки русских послов, нельзя, однако, не отметить, что на речь русских дипломатов, проживающих длительное время в западноевропейских странах, вероятно оказало влияние — по крайней мере, что касается отбора лексических средств — их пребывание за границей. Поэтому возникает вопрос: Может ли их „словник“ действительно отображать русскую лексику того времени?

Несмотря на эти наши отдельные замечания, надо сказать, что книга М. Фогараши — работа несомненно нужная и заслуживающая признания. Она базируется на богатом материале, тщательно обработанном с основательными знаниями специальной литературы и приносит результаты, которые нельзя игнорировать в дальнейшем исследовании. Все последующие работы о т. н. интернациональных морфемах в русском языке должны в полной мере учитывать эту монографию.

Иржи Ирачек